

Хэ Сюэчжэнь спросил, кем он ему приходится.

Цуй Чжи онемел. Кем? Спутником на пути совершенствования, с которым они прожили бок о бок сотню лет в прошлой жизни? Единственным близким человеком в этом мире, тем, с кем он был связан узами самой крови?

Но теперь Хэ Сюэчжэнь обо всем забыл. Более того, в его глазах читались лишь холод и явное отвращение.

Только сейчас Цуй Чжи наконец признал очевидное: у этого юноши не осталось воспоминаний о прошлом. Он больше не был тем Хэ Сюэчжэнем, который когда-то любил его всем сердцем.

В душу закралась давящая, беспросветная растерянность.

Они прожили вместе вековую вечность. Цуй Чжи привык, что Хэ Сюэчжэнь — первое, что он видит на рассвете, и последнее перед тем, как сомкнуть веки. Привык слышать его тихое дыхание рядом, протягивать руку и ощущать живое тепло кожи. Тот всегда был скуп на улыбки и суров нравом, но, когда они оставались наедине, во взгляде Сюэчжэня неизменно сквозило мягкое внимание. То была тихая, глубокая река, укрытая под толщей векового льда, — вся нежность, на которую только был способен этот немногословный человек.

Но почему теперь все иначе?

Стоящий перед ним юноша точь-в-точь походил на его прежнего возлюбленного в юные годы. Те же черты лица, те же глаза... Вот только в самой их глубине Цуй Чжи больше не существовало.

Почему?

Если в прошлой жизни Сюэчжэнь так отчаянно любил его — настолько, что, будучи первым учеником главы Школы Наполненных Созвездий, забыл о гордости и тенью следовал за ним по пятам, — как он мог в один миг вычеркнуть это чувство?

Что ж. Раз этот Хэ Сюэчжэнь больше не принадлежит прошлому, то и цепляться за призраков бессмысленно. Он — достопочтенный Данььюань, тот, кому осталось сделать лишь шаг, чтобы превзойти Небесное Дао. Ему негоже растрачивать вечность на ничтожные мирские привязанности!

Так он пытался убедить себя, однако ногти с такой силой вонзились в ладони, что едва не проступила кровь. Цуй Чжи уставился на Хэ Сюэчжэня, и в его голосе проскользнула затаенная надежда, которой он сам не осознавал:

— Неужели ты и вправду... не хочешь быть со мной?

— Помолвка расторгнута, братец Цуй. Или ты думал, я шучу?

— Хорошо... — Цуй Чжи сделал пару шагов назад и тяжело кивнул. Лицо его оставалось маской внешнего спокойствия, но опущенные руки мелко дрожали. — Хорошо. Надеюсь, Хэ Сюэчжэнь, ты никогда об этом не пожалеешь.

Договорив, он больше не посмел даже взглянуть на Хэ Сюэчжэня. Развернувшись, он поспешно ушел, и в этой торопливой, напряженной спине Хэ Сюэчжэнь отчетливо разглядел признаки позорного бегства.

Когда Цуй Чжи добрался до Срединных земель и подошел к поместью семьи Цуй, его одежды взмокли от утренней росы. Он мчался всю ночь напролет, не позволяя себе ни минуты передышки. И дело было вовсе не в том, что высокий уровень духовных сил оберегал его от усталости, — он просто не мог сомкнуть глаз.

Стоило ему закрыть веки, как перед мысленным взором оживала картина из прошлой жизни: тот страшный миг, когда Хэ Сюэчжэнь увлек его за собой за грань смерти.

Даже сейчас Цуй Чжи не понимал, откуда в глазах Сюэчжэня тогда взялось столько жгучей, испепеляющей ненависти.

Возможно, за целую сотню лет совместной жизни он так и не сумел по-настоящему узнать своего спутника. Сюэчжэнь всегда скрывал чувства глубоко в душе, не желая выставлять их напоказ. А может... сам Цуй Чжи был слишком горд, чтобы снизойти до их понимания?

Думать об этом не хотелось.

На подходе к воротам поместья его встретил шум. На улице царил сумятица, слышались яростные крики. Внезапно в воздухе свистнула полоса чужеродной духовной энергии. Ослепительный поток устремился прямо в толпу, целясь в не успевшего среагировать старика.

Цуй Чжи прищурился. В следующее мгновение он беззвучной тенью скользнул вперед, перехватил старика под мышки и рывком увлек в сторону от гибельной траектории.

Этим пожилым человеком оказался его двоюродный дядя по отцовской линии.

Старик, чудом избежав неминуемой смерти, тяжело и прерывисто дышал. Подняв глаза и узнав Цуй Чжи, он даже не успел удивиться внезапному возвращению племянника, который отсутствовал много дней.

— А-Чжи! Скорее, зови дядю Хэ! — взмолился старик, хватая его за рукав дрожащими пальцами. — Эти мерзавцы из Школы Стремящихся к Небесам совсем распоясались! Наглые паршивцы, житья от них нет!

Дядя Хэ оставался одним из немногих мастеров в семье Цуй, чьи духовные силы заслуживали уважения. Именно благодаря преданности старого слуги их увядающий, захудалый клан еще держался на плаву и окончательно не погряз в нищете и унижениях.

Однако Цуй Чжи лишь молча окинул взглядом троих незваных гостей. На них были сине-белые одежды внутренних учеников Школы Стремящихся к Небесам. Их аура выдавала солидную подготовку — дядя Хэ не справился бы с ними, так что звать его не имело никакого смысла.

Цуй Чжи даже не шелохнулся.

Один из учеников школы издевательски хмыкнул:

— О, глядите-ка, кто пожаловал! Сам беглый жених, господин Цуй, с которым в Школе Наполненных Созвездий даже знаться не пожелали! Ну, раз уж явился, тем лучше. Старейшина Чжао из нашей школы изволит просить у вашей паршивой семейки фамильное сокровище — Стеклянного Золотого Льва. Давай, Цуй, выноси по-хорошему, не заставляй нас пачкать руки.

Поместье Цуй граничило с землями Школы Стремящихся к Небесам, поэтому они регулярно подвергались набегам и грабегам со стороны прожорливых соседей. Лишь помолвка Цуй Чжи с Хэ Сюэчжэнем заставила наглецов ненадолго умерить аппетиты. Но стоило союзу разорваться, как стервятники мгновенно слетелись вновь.

— Собачья чушь! — задохнулся от ярости двоюродный дядя. — Наше родовое сокровище — и вам, вору, отдать?! Цуй Чжи, чего ты встал как вкопанный?! Немедленно беги за дядей Хэ!

Двое других учеников скользнули в стороны, отрезая Цуй Чжи пути к отступлению.

Вот только Цуй Чжи и не думал бежать.

Зачем звать старого слугу? С этими жалкими червями он расправится и сам.

Юноша замер. Потoki его истинной ци внезапно взбурлили, заставив полы одежд взметнуться яростным вихрем. Нападавшие ощутили тяжесть чудовищной ауры, их лица исказились от ужаса, но бежать было уже поздно.

Цуй Чжи скользнул вперед — бесплотной, неуловимой тенью. Доля секунды — и он снова стоял на прежнем месте, плавно опуская руки. Два ученика Школы Стремящихся к Небесам беззвучно рухнули на пыльную землю. Их глаза остекленели, дыхание пресеклось.

Цуй Чжи медленно перевел холодный взор на последнего, застывшего от ужаса выжившего.

— Передай своему старейшине Чжао, — ровным, безразличным тоном произнес он. — Все, что ваша банда успела «позаимствовать» у семьи Цуй за эти годы, пора вернуть. С процентами.

День духовного союза стремительно приближался.

Местом проведения торжества выбрали загородную усадьбу клана Сыту. Окруженная живописными горами и чистейшими реками, эта обитель славилась небывалой концентрацией духовной энергии — идеальный приют для совершенствования. После завершения обряда эту уединенную резиденцию планировали преподнести в дар чете новобрачных.

Даосский дворец Спокойной Мудрости и клан Сыту прислали множество слуг и адептов для помощи. Вокруг усадьбы царила праздничная суeta: съезжались гости, шли последние приготовления к великому обряду. Хэ Сюэчжэнь этот шум не беспокоил — пока посторонние не нарушали границ его личных покоев, ему было все равно, чем они заняты.

В прошлой жизни они с Цуй Чжи уже проходили через ритуал единения душ, так что все тонкости церемонии были ему досконально известны. На сей раз мастера клана Сыту возвели церемониальный помост на вершине отвесной скалы. Над бурлящей бездной у самого обрыва парили величественные лotosовые платформы даосов и массивные золотые печати — знаки кузнечного мастерства клана Сыту. Именно на них предстояло расположиться почетным гостям.

Закончив репетицию ритуала, Хэ Сюэчжэнь и Сыту Ни рука об руку начали спускаться по горной тропе.

Навстречу им двигалась группа прибывших гостей под предводительством слуги из дома Сыту. Среди них шел Цуй Чжи. Проходя мимо, он скользнул мимолетным взглядом по сцепленным рукам Хэ Сюэчжэнь и Сыту Ни. Следовавшие за ним люди щеголяли одеждами с гербами клана Цуй — очевидно, его свита.

Хэ Сюэчжэнь невольно изумился: что здесь делает Цуй Чжи? И почему слуги клана Сыту принимают его с такими почестями? Неужели его официально пригласили?

Он вопросительно взглянул на своего суженого.

Сыту Ни наклонился к его уху и зашептал:

— Старейшины отправили приглашение новому главе семьи Цуй. Неужели у них совсем не осталось достойных людей, раз они прислали этого выскочку?

Позже, наведя справки, Сыту Ни поделился новостями:

— Говорят, этот Цуй Чжи наткнулся на невероятное наследие. Его силы выросли как на дрожжах. Он в одиночку бросил вызов семерым старейшинам Школы Стремящихся к Небесам и разнес их орден в щепки! Теперь при одном упоминании его фамилии те бледнеют от ужаса. А сам он прибрал к рукам власть в собственном клане. Понятно, почему приехал именно он.

Хэ Сюэчжэнь понимал: владея знаниями из прошлой жизни, Цуй Чжи без труда мог продвигаться по пути совершенствования семимильными шагами. Его воцарение в клане было закономерным. Однако появление такого непредсказуемого фактора тревожило. Не разрушит ли этот безумец все его тщательно выстроенные планы?

«Может, стоит убрать его со сцены прямо сейчас?» — мелькнула холодная мысль.

В глазах Хэ Сюэчжэня нынешний Цуй Чжи был не более чем мелким камнем под ногами. Если он мешает — его нужно просто отшвырнуть или раздавить.

Но, трезво оценив собственные возможности, Хэ Сюэчжэнь пришел к выводу, что легкой победы не гарантировано. Лучше пока затаиться и наблюдать за развитием событий.

Вскоре настал заветный день. На рассвете Хэ Сюэчжэнь покинул уединенную обитель для медитаций. Совершив омовение, он облачился в праздничные белоснежные одежды и под предводительством юного послушника спустился к подножию горы. Сыту Ни прибыл практически одновременно с ним. Переплетя пальцы, они вместе двинулись к сияющей вершине.

Когда они ступили на просторный каменный помост у обрыва, перед ними открылась величественная панорама. Напротив, прямо над бездной, парили сотни гостей. Адепты и старейшины Даосского дворца Спокойной Мудрости сидели, скрестив ноги, на белоснежных лотосах, в то время как союзники и вассалы клана Сыту возвышались на сияющих золотых печатях. Обе стороны соблюдали идеальный паритет сил.

Под торжественные напевы распорядителя чета поднялась на алтарь. Небеса разразились благоуханным дождем из лепестков редких цветов, которые медленно кружили в пронизанном солнцем воздухе.

Молодые люди сели лицом друг к другу. Глашатай отступил в тень, и к алтарю торжественно приблизились главы двух великих домов — Чжао Доучун и Сыту Хэншань. Они хором завели древнее священное заклятие единения. Послушник поднес тяжелую нефритовую чашу, наполненную чистой росой духовных источников, и почтенные мужи бережно окропили головы суженых благословенной водой.

Оба молодых мастера одновременно высвободили внутреннюю ци. Окропившая их влага миглом превратилась в густой, переливающийся радугой туман. Когда дымка рассеялась, одежды новобрачных вновь были идеально сухими. Горный ветер заставил их широкие рукава взметнуться, а длинные пряди волос переплелись в единое целое, являя взору благородную, величественную картину подлинного бессмертного союза.

Обряд единения душ подходил к своему завершению.

Среди парящих платформ нарастало оживление — гости уже готовились огласить свои поздравления, как вдруг над ущельем разнесся отчетливый, чистый голос:

— Хэ Сюэчжэнь!

Сотни взоров устремились к источнику звука. Цуй Чжи заставил парящую золотую печать придвинуться к самому краю помоста и теперь смотрел на жениха сверху вниз.

Его бледное, словно высеченное из нефрита лицо казалось безжизненным. Выкрикнув имя Хэ Сюэчжэня, он внезапно осекся и замер, уставившись на него с немой, отчаянной мольбой.

Сыту Хэншань раздраженно нахмурился:

— Глава семьи Цуй, если у вас есть что сказать, потрудитесь дождаться окончания обряда.

Однако Цуй Чжи полностью проигнорировал замечание старейшины, продолжая неотрывно смотреть на юношу на алтаре.

Хэ Сюэчжэнь ровно спросил:

— Братец Цуй, у тебя какое-то срочное дело?

— Ты действительно собираешься связать свою судьбу с Сыту Ни? — губы Цуй Чжи мелко задрожали, а в глубине зрачков вспыхнул робкий огонек. — Если ты передумал... если ты жалеешь о сделанном выборе, скажи лишь слово. Я заберу тебя отсюда прямо сейчас.

Не успел Хэ Сюэчжэнь и рта открыть, как Чжао Доучун и Сыту Хэншань вскипели от ярости. Один со свистом взмахнул даосской кистью-мухоголкой, второй выхватил из ножен свой личный меч.

— Наглый щенок! — взревел Глава семьи Сыту. — Что за чушь ты несешь перед лицом уважаемых гостей?!

Сам Хэ Сюэчжэнь тоже почувствовал, как к горлу подступает раздражение. Выходка Цуй Чжи на глазах у сотен свидетелейставляла его в самом неприглядном свете. Любой праздный сплетник мог решить, будто Хэ Сюэчжэнь ведет двойную игру и путается со своим бывшим женихом.

Цуй Чжи даже не повернул головы к разъяренным старейшинам, его взгляд по-прежнему был

прикован к лицу Сюэчжэня.

Сыту Хэншань потерял терпение. С яростным ревом он рванулся вперед, его меч налился ослепительным грозовым блеском и устремился к наглецу, круша сам воздух. Ближайшие гости в панике бросились врассыпку, спасаясь от ударной волны.

Цуй Чжи даже бровью не повел. Его правая рука совершила короткий, резкий жест.

Раздался оглушительный треск, похожий на раскат грома. Цуй Чжи неуловимым движением скользнул вперед и тут же вернулся на прежнюю позицию. А вот великий мастер Сыту Хэншань тяжело пошатнулся и отступил на полшага назад!

Схватка произошла столь молниеносно, что большинство присутствующих даже не успели уследить за траекториями ударов. Лишь те, чья ступень культивации была по-настоящему высока, застыли в немом шоке. Они успели разглядеть, как в воздухе перед Цуй Чжи возник невидимый щит, принявший на себя всю мощь сокрушительного удара. Стекланный треск означенвал мгновенное разрушение преграды, но Цуй Чжи воспользовался этой секундой, чтобы нанести стремительный контрудар.

Сыту Хэншань, будучи признанным патриархом и сильнейшим воином, разумеется, не пострадал от этого выпада, но дикая, первобытная мощь атаки юноши заставила его отступить.

Внешне Цуй Чжи все еще казался хрупким юношей, но внутри него жила гордая, непокорная душа Достопочтенного Даньюаня. Даже уступая противнику в силе, он не собирался склонять голову перед старейшинами. В каждом его движении сквозило ледяное пренебрежение. Обладая он сейчас прежним могуществом, Сыту Хэншань уже лежал бы мертвым у его ног.

По рядам зрителей пронесся тихий вздох изумления. Неужели этот юный глава захудалого рода достиг столь пугающих высот за столь ничтожный срок?

Хэ Сюэчжэнь мысленно выдохнул с облегчением. Как хорошо, что он не пошел на Цуй Чжи открытой войной — сейчас его собственных сил попросту не хватило бы для победы. Этот безумец, несущий в себе частицу души Небесного императора Тайбай Ина, обладал поистине чудовищным талантом.

Подавив укол уязвленной гордости, Хэ Сюэчжэнь звучно произнес:

— Глава семьи Цуй, я настоятельно прошу тебя прекратить эти нелепые речи. Что значит «забрать меня»? Между нами нет и не может быть ничего общего. Мы с А-Ни любим друг друга, так что не пытайся сеять смуту на чужом празднике.

Цуй Чжи медленно опустил руку. Он долго, не мигая, смотрел на стоявшего перед ним юношу. Словно он с самого начала знал, чем обернется эта глупая попытка, но просто не мог не

рискнуть в последний раз. И вот итог: его отчаянный порыв, на который он собирал силы все эти дни, оказался в глазах любимого лишь «нелепой попыткой сеять смуту».

Хэ Сюэчжэнь и Сыту Ни любят друг друга. А он, Цуй Чжи, выглядел сейчас как жалкий, всеми отвергнутый шут.

В груди разлилась то ли звенящая пустота, то ли горькая, удушающая тоска.

— Что ж, — Цуй Чжи отвел глаза. — В таком случае мне остается лишь пожелать вам долгого союза и согласия до конца дней. Прими это как скромный дар к вашему бракосочетанию.

Он взмахнул широким рукавом, и в воздух взмыл сияющий стеклянный артефакт, рассыпая вокруг радужные искры.

— Это же Стеклянный Золотой Лев!

— Главное сокровище рода Цуй!

— Какая неслыханная щедрость!

Однако Хэ Сюэчжэнь даже не протянул руки. Резким пассом ладони он направил артефакт обратно к груди Цуй Чжи.

— Благодарю, но побереги это для своего клана. Ты уже преподнес подобающий подарок при входе, не стоит тратить дважды.

Цуй Чжи бережно поймал опустившуюся фигурку. Его голос прозвучал глухо, почти беззвучно:

— Прости мою навязчивость.

Он шагнул за край золотой печати и устремился вниз. Полы его одеяний широко раскинулись, надуваемые порывами ветра, уподобляя его раненому, теряющему силы журавлю, улетающему прочь от праздничной суеты.

На полпути к подножию горы его нагнали встревоженные слуги клана Цуй, прослышавшие о внезапном уходе своего господина.

— Глава, да что вы в нем нашли? — попытался утешить его один из приближенных. — Когда-то он хвостиком за вами бегал, клялся в вечной верности, а теперь легко променял на другого. Полно вам, забудьте его, он не стоит ваших терзаний.

— Кто сказал, что я о нем думаю? — ледяным тоном отозвался Цуй Чжи. — Мне нет дела до... Моя цель — величие и познание Небесного Дао, а остальное лишь прах...

Он не успел договорить — горлом хлынула темная кровь.

Как бы усердно он ни изображал невозмутимость, сокрушительный выпад Сыту Хэншаня не прошел бесследно для его неокрепшего тела. Впрочем, эта физическая травма была ничем по сравнению с той невыносимой, раздирающей болью, что сковала его душу при виде чужого триумфа.

Зажав ладонью рот и пытаясь утереть стекающую по подбородку алую струйку, Цуй Чжи вдруг хрипло, вымученно рассмеялся:

— Пустяки... Просто я еще не привык. Скоро пройдет... Обязательно пройдет.

Он был готов преодолеть любые невзгоды на пути к божественному величию, но так и не набрался смелости, чтобы заглянуть в собственное израненное сердце.

<http://bllate.org/book/18268/1750900>